

О ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ КОРРЕЛЯТОВ МЕЖА/МЕЖДА, ПРЕЖЕ/ПРЕЖДЕ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Е. Н. Бекасова

Оренбургский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 13 ноября 2014 г.

Аннотация: в статье рассматривается проблема генезиса русского литературного языка на материале отношений генетически соотносительных пар *межа/межда, прежде/прежде*, в определенной степени сохранивших свою гетерогенность в современном русском языке. Данные словарей XI–XVIII вв. позволяют не только конкретизировать взаимоотношение морфонологических коррелятов, но и доказать приоритет лексем в исконном оформлении в семантическом и словообразовательном плане.

Ключевые слова: генезис русского литературного языка, рефлексы праславянских сочетаний, морфонологические корреляции, словари древнерусского и русского языка.

Abstract: this article describes the genesis of the Russian literary language by looking at the relations of genetically correlative couples *межа/межда, прежде/прежде*. These correlates keep their heterogeneity in modern Russian. The dictionaries of XI–XVIIIth centuries allow not only to specify relationship of morphonological correlates, but also to prove a priority of lexemes in their primordial semantic and derivational formation.

Key words: genesis of the Russian literary language, reflexes of Old Slavic combinations, morphonological correlations, dictionaries of ancient Russian and modern Russian languages.

Проблема генезиса русского литературного языка с момента ее осмысления в трудах М. В. Ломоносова получила необыкновенную остроту в ее решении. С одной стороны, это обусловлено особенностями, как отметил еще Н. С. Трубецкой, «использования преемства древней литературно-языковой традиции», что ставит русский язык, «по-видимому, действительно особняком среди литературных языков мира» [1, с. 125–126]. С другой стороны, к лингвистическим аспектам проблемы нередко примешивались и примешиваются идеологические моменты и политические спекуляции.

Традиционными и до настоящего времени достоверными восточнославянскими и южнославянскими по происхождению признаками являются рефлексы праславянских сочетаний, которые представлены в лексикализованном виде определенным списком слов. Привлекательные гетерогенные пары «кочуют» из одних работ в другие без надлежащих на то оснований. Некоторые из них обрели статус «хрестоматийных», т.е. используемых весьма часто разными исследователями в качестве главного показателя гетерогенности системы русского литературного языка или утверждения его старославянской основы. Как правило, к такого рода явлениям прежде всего относятся некоторые *torot-* и *trat-*лексеммы типа корнесловов *город – град* и ряд слов с рефлексами **tj, *gt, *kt, *dj* из выделенной А. А. Шахматовым группы «отдельных слов» типа *ночь – ношь, одежда – одежа*.

Данные генетически соотносительные пары, действительно, характеризуются высокой степенью коррелятивности и совместной встречаемости не только в рукописях, но и в тесно связанных контекстах, а также сохранностью гетерогенности оформления корня в современном русском языке [2].

Увлечение такими парами приводит к определенной мифологизации их отношений, которая опровергается данными словарей. В частности, П. Д. Филкова «семантическое развитие» как «принципиальную общую причину» закрепления церковнославянизмов рассматривает на примере пар *жажда – жажа и надежда – надежа* [3, с. 43], несмотря на то, что южнославянские члены пар существовали гипотетически, так как не были зафиксированы, судя по «Старославянскому словарю» [4], ни в одном из сохранившихся 18 источников древнейшего литературно-письменного языка славян [5].

Все это обуславливает необходимость более детального рассмотрения феномена востребованных в научных работах гетерогенных пар, поскольку, как отметил еще И. А. Бодуэн де Куртенэ, «развитие науки (другое дело – проповеди и мечты идеалистических деятелей) состоит из вопросов «“почему?”» (а не “для чего?”) и из ответов: “потому что” (а не “для того, чтобы”))» [6, с. 59].

В связи с этим был предпринят анализ отношений в генетически соотносительных, весьма востребованных в научной литературе пар *межда – межа, прежде – прежде (переже)*, относящихся по классификации А. А. Шахматова к группе «отдельных слов». При

этом следует отметить, что данные слова не являются «виртуальными», поскольку зафиксированы и в «Словаре старославянского языка» (межда – переулк (1 употребление), между – предлог (54 употребления) [4, с. 324–325], прежде – наречие и предлог (свыше 300 употреблений) [4, с. 540–541]), и в словарях древнерусского языка XI–XVII вв. [7–9]. Именно лексикографические данные, в том числе введенные недавно, позволяют детально проследить, уточнить и выстроить корректную историю взаимоотношений в генетически соотносительных парах.

Первым такие корреляты в числе других отметил Памва Берында в своем «Лексиконе славянорусском, имен толкование» (Киев, 1627), где в целом правильно представлены соответствия «росских» форм «словесам ... обретающимся в книгах церковных», например: межда – межа, между – межи мечами [10, с. 62].

В XIX в. такие формы – непереносный атрибут исследований памятников письменности. В частности, М. А. Максимович обращает внимание, что «чисто-русские формы слов, отличные от церковнославянских, находим в договоре Олеговом, таковы ... *жс* вм. *жд*: **межи**, *утвержение*, по *нужи*; в договоре Игоревом: **преже**, **межю**, *осуженье*; ч вм. *щ*: *хочемъ*, *обчиш*; в Русской Правде: **межю**, *усречеть...*» [11, с. 173].

В «Исторической грамматике» Ф. И. Буслаева, проанализировавшего употребление церковнославянских и русских соответствий в древнерусских памятниках письменности, в «областном просторечии» и современном литературном языке, указанные пары также оказались востребованными для характеристики современного литературного языка, который «представляет смесь смягченных форм церковнославянских с русскими. Причем должно заметить, что он употребляет: или 1) церковнославянские формы вм. русских; например **прежде** вм. **преже**, **между** вм. **межу**, *нужда* вм. *нужа*, *смущение* вм. *смучение* (от гл. *мутить*); или 2) русские вм. церковнославянских; например *вижу* вм. *вижду*, *отвечать* вм. *отвещать*; или 3) и те и другие; например **между** и **межа**, *невежда* и *невежа*, *со-кращать* и *у-корачивать* и проч.» [12, с. 69–70].

Следующим этапом описания слов с диагностическими признаками стала классификация А. А. Шахматова, который для рефлексов *dj, *tj, *gt, *kt выделяет группу «отдельных слов», куда включены слова типа *вождь*, *жажда*, *невежда*, **между**, *одежда*, *надежда*, *рождество*, *нужда*, *гражданин*, **прежде**, *чуждый*; *мощь*, *помощь*, *вещь*, *пещера*, *общество* [13, с. 250, 252].

Эти же лексемы использует Б. А. Успенский как доказательства своей теории диглоссии, при этом

рефлекс *жд* он рассматривает как старославянский, а *жс* – как русский церковнославянский [14, с. 113]. Схема генетического «распределения» рефлексов сопровождается типичным для такого рода построенным иллюстративным материалом: «старослав. *виждь*, межда, рус. церковнослав. *вижу*, межа, рус. *вижу*, *межа*» [там же, с. 128]. Случаи систематической замены *жс* на *жд*, отмечаемые Б. А. Успенским с начала XII в., также иллюстрируются примерами типа *прежде* – *преже*. На основании этого делается весьма серьезный вывод о том, что «написания с *ж* на месте рефлексов *dj становятся специфической чертой русской церковнославянской орфографии» [там же].

Подобная «принципиальная вариативность» отмечалась исследователями, начиная с И. В. Ягича, однако она укладывалась в рамки взаимоотношений генетически неоднородных рефлексов – южнославянского и восточнославянского происхождения. В частности, Б. А. Ларин форму *между* рассматривает как контаминацию старославянского *между* и древнерусского *межу*, внесенную «сторонниками старославянского облика языка при переписке текста» [15, с. 168]. Для В. В. Колесова, в отличие от Б. А. Успенского, противопоставления «церковнослав. **прежде** и рус. **прежде**, **перезе**, **перво**» – одно из ярких подтверждений концептуального положения о том, что если «одному языку принадлежит одно, а другому оба», то последнее является развивающимся языком культурного действия» [16, с. 172].

В современном русском литературном языке корреляты *межда* – *межа*, *прежде* – *преже* (*перезе*) сохраняют свою парность в морфологической вариантности, однако имеют расхождения в частеречной принадлежности.

Сопоставление значений коррелятов *межда* – *межа* показывает типичную для группы «отдельных слов» картину [17]: преобладание значений у восточнославянского коррелята при практически одновременной их фиксации у обоих членов (табл. 1) [18, вып. 9, с. 65–66].

Следует подчеркнуть, что «старославянское» значение '*переулк*', отмеченное в «Старославянском словаре (по рукописям X–XI вв.)», закреплено за словом в восточнославянском обличии «межа». Наличие переносного значения у слова с южнославянским по происхождению рефлексом *dj в данном случае не меняет сути дела, так как из всех значений к XVIII в. актуализируется общее для обоих коррелятов значение при его закреплении за исконным вариантом: **Межа**. 1. *Граница, рубеж земельных угодий, владений*. 2. *Промежуток, полоса земли между грядами, распаханными участками поля* [9, вып. 13, с. 113]. Аналогичное значение сохраняется и в современном русском литературном языке.

Семантическая структура коррелятов *межа/межда*

Межа	Межда
1. Рубеж, черта, граница (1097 г.)	1. Предел, граница (1074 г.)
2. Предел (о временной границе) (1307 г.)	–
3. Промежуток, расстояние, пространство (XIV–XII в.)	2. Промежуток, расстояние, пространство между чем-л. (XV–1047 г.)
4. Межа, как-л. отмеченная полоса земли, промежуток между соседними полями, угодьями, разграничивающий их (XIV–XII в.)	–
5. Переулок, улочка (XII–XIII вв.)	–
6. Новолуние, фаза Луны (XV в.)	–
–	3. Промежуток времени (XV–XIII в.)
–	4. Внутренние пределы; середина (XII в.)
–	5. Перен. Среднее состояние между двумя крайностями (XI в.)

Примечание. В скобках указывается время первой фиксации лексемы в памятниках письменности.

Судя по древнерусским памятникам, полное отсутствие уже с XVII в. морфонологического варианта с /жд/, объясняется, с одной стороны, ограничениями его употребления временными рамками (с XI по XIII вв., верхняя граница – 1591 г., и только в первом значении), с другой – давлением со стороны активизировавшихся с XVI–XVII вв. образований типа: *межевая* (1391 г. – самая ранняя фиксация в документе о размежевании земель), *межевати* (1571 г.), *межевой* (1597 г., 1628 г.), *межевщик* (1599 г.), *межевальная* (1623 г.), *межевальный* (1626 г.), *межевник* (1629 г.), *межеватися* (1680 г.) [18, вып. 9, с. 68–70], которые, в свою очередь, активно поддерживали исконный член указанной пары и способствовали его безэквивалентному закреплению с XVII в.

Достаточно показательно количественное преобладание производных с корнем -*меж-* в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» (*межага*, *меж(у)вратный*, *междверный*, *меженный*, *меженский*, *межень*, *межусобство*, *межимсячие*, *межиножие*, *межлавочье*, *межник*, *межнина*, *межница*, *межничество*, *межность*, *межный*, *межситка*, *межсобный*, *межток*, *межтоцкий*, *межувратный*, *межукосный*, *межусобство*, *межупенье*, *межуток*, *межчасие*, *межщик*) и дублирование соотносительными парами в южнославянском оформлении типа *межина* /// *междина*, *межрѣчный* (*межирѣчие*) / // *междорѣчный*, *межуречие/междорѣчие*, *межураме/междорамие*, *межусобие* (*межуусобие*, *межеусобие*) / *междоусобие*, *межусобица* (*межуусобица*) / *междоусобица*, *межусобный* (*межуусобный*, *межеусобный*) / *междоусобный* [18, вып. 9]. Незначительное количество безэквивалентных слов в южнославянском оформлении (*междобровие*, *междометие*, *междопѣсние*, *междопутье*) еще раз доказывает приоритет исконных элементов в истории русского литературного языка.

В XVIII в. усиливаются позиции альтернанта /жд/ в основном за счет слов, приуроченных к какой-либо области знаний, которые составляют более 1/5 всех случаев употребления слов с начальным *между-*, например: *междулистной* (*бот.*), *междуморие* (*геогр.*), *междуреберный* (*анат.*), *междуспинный* (*анат.*), *междустолбие* (*арх.*), *междухребетный* (*анат.*). Возможна вариантность оформления подобных слов: *междупозвоночный* – *межпозвоночный* (*анат.*), *междукостный* – *межкостный* (*анат.*). Однако в современном русском литературном языке своеобразный «реванш» *между-* за утрату существительного в южнославянском облики не закрепился.

Таким образом, сохранившаяся морфонологическая вариантность в виде *межа* / *меж* (*между*) свидетельствует об активности заимствующего языка, что подтверждается большим количеством производных с альтернантом /ж/ (более 70 %), преобладанием более чем в два раза исконной первой составной части сложных слов *меж-* над *между-*, значительной наполняемостью словообразовательного гнезда производными (ср. *межа* – 70 единиц, *междометие* – 3 [19, т. 1, с. 584–585, М № 248, М № 249]) и широко представленной морфонологической вариативностью при равенстве значений (*меж* = *между*, *промеж* (*устар.* и *прост.*) = *промежду* (*устар.* и *прост.*) = *между*), а также наличием гетерогенного гнезда с равным распределением генетически неоднородных рефлексов /ж/ и /жд/: *между*, *промежду*, *меж*, *промеж* [там же, с. 585, М № 251].

Аналогично выстраиваются отношения в парах *преже* – *прежде*, *прежнии* – *прежднии*, где также сохраняется морфонологическая вариантность однокоренных образований, разведенных по разным частям речи.

«Словарь русского языка XI–XVII вв.» фиксирует наличие многообразных генетически разнооформленных пар, имеющих при практически одновременной фиксации в памятниках древнерусской письменности тождественную семантическую структуру (преже² (прежь), переже (I. Нареч. *Раньше, прежде*. (XII в.) II. *Предлог* (1057 г.) [18, вып. 18, с. 224–225] = прежде² (прѣжде) (1057 г.) [там же, с. 221–222]).

Корреляты *прежнии* (*прежи*) / *пережнии* / *прежднии* демонстрируют семантическое превосходство исконных членов, в целом свойственное парам «отдельных слов» (табл. 2) [18, вып. 18, с. 230].

Наблюдается полное поглощение значений коррелята в южнославянской огласовке восточнославянскими по происхождению соответствиями, которое привело к закреплению гетерогенного прилагательного *прежний* в системе современного русского литературного языка. Данный трансплантат, совмещающий в своем составе неполногласие и восточнославянский по происхождению рефлекс *dj, изначально оказался вне конкуренции с гомогенами типа *прежднии*, *пережнии* и по степени употребления в памятниках древнерусской письменности, и по семантическому потенциалу [20, с. 183]. Такая специфика слова, связанного с утвердившимся в качестве наречия и предлога вариантом *прежде*, в условиях ослабления литературной нормы обуславливает появление гомогенного слова *преждний*, которое предпочитают нормативному варианту, судя по нашим исследованиям, более 67 % школьников.

Следует отметить, что гетерогенность – одно из важнейших качеств указанных образований в истории русского языка. Типичным в памятниках является соединение неполногласия с исконным рефлексом *dj в трансплантате *преже*, однако и в других случаях возможно соединение гетерогенных элемен-

тов, например: *прежереши*, *прежесвященный*, *прѣжесвященный*. Подобные трансплантаты имеют особый, литургический смысл и более широкий семантический диапазон, чем генетически однородные образования типа *преждеосвященный* [18, вып. 18, с. 223, 228].

Исконный /ж/ на конце неполногласного корня сохранился и в современном русском литературном языке, в котором трансплантаты и гомогены образуют гетерогенное гнездо, где, как обычно, преобладают члены с исконным рефлексом *dj [19, Т. 1, с. 812, № 1077 П].

Таким образом, однозначные решения по поводу «выживаемости» того или иного члена корреляции – или *межа*, или *прежде* – являются следствием упрощенного взгляда на сложные процессы взаимодействия лексем с генетически соотносительными рефлексам. Возможность морфонологического варьирования, обусловленная как в рассмотренной группе «отдельных слов», так и в группе *torot-* и *trat-* лексем отсутствием позиционных запретов на реализацию того или иного по происхождению рефлекса, способствовала их фиксации в самых разнообразных контекстах, в результате чего корреляты могли вступать в различные взаимоотношения. При этом семантический фактор, выдвигаемый в качестве ведущего большинством исследователей, не играет определяющей роли. Как свидетельствуют показания толковых словарей древнерусского и русского языков XI–XX вв., слова с восточнославянскими диагностическими признаками, как правило, имели более широкий спектр значений, в том числе и переносных. Однако южнославянская примесь – в некоторых случаях до 30 % – способствовала сохранению гетерогенности и «разведению» образований с коррелирующими корнями *меж-*/*межд-*, *преж-*/*прежд-* по разным частям речи, словообразовательным моделям и значени-

Т а б л и ц а 2

Семантическая структура коррелятов *преж-*/*переж-*/*прежд-*

Прежнии [18, вып. 18, с. 230]	Пережнии [18, вып. 14, с. 243]	Прежднии [18, вып. 18, с. 224]
1. Прежний, бывший ранее (XVI–XI в.)	2. Имевший место в прошлом; прежний (1583 г.)	1. Прежний, бывший ранее (XI в.)
2. В знач. сущ. <i>прежнее</i> . То, что было раньше (1673 г.)	–	–
3. В знач. сущ. <i>прежние</i> . Жившие прежде, ранее, предки (1499 г.)	–	–
4. Старый, старинный (1680 г.)	–	–
5. Первоначальный, изначальный (XIII–XIV вв.)	–	–
6. Передний (1626 г.)	1. Передний (противоположный заднему) (1580 г.)	–
(прежий. Занимающий первое место в какой-л. иерархии (XII в.)	–	2. В знач. сущ. <i>Прежние</i> . Занимающие первое место в какой-л. иерархии (XVII – н. XVIII в.)

ям. При этом такая дифференциация наглядно показывает значимость заимствующего языка, который «встраивает» дополнительный, генетически родственный материал согласно закономерностям своей системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трубецкой Н. С. Общеславянский элемент в русской культуре / Н. С. Трубецкой // Вопросы языкознания. – 1990. – № 3. – С. 114–134.
2. Бекасова Е. Н. О генетической организации системы русского литературного языка / Е. Н. Бекасова // Вестник Оренбург. гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. – 2005. – № 2. – С. 90–94.
3. Филкова П. Д. Слова с сочетанием -ЖД (из *dj) в истории русского литературного языка / П. Д. Филкова // Годишник на Софийския университет. Факултет на славянски филологии. – 1979. – Т. 62. – С. 3–70.
4. Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.): около 10000 слов / Э. Благова [и др.] ; под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. – М. : Русский язык, 1999.
5. Бекасова Е. Н. Механизмы отбора генетически неоднородных коррелятов *жажда/жажа* в русском литературном языке / Е. Н. Бекасова // Основные тенденции развития русского и других славянских языков в современном мире : сб. науч. трудов по матер. Междунар. конф. (г. Трнава, 15–16 мая 2014 г.). – Брно, 2014. – С. 44–49.
6. Бодуэн де Куртенэ И. А. Некоторые общие замечания о языковедении и языке / И. А. Бодуэн де Куртенэ // Избранные труды по общему языкознанию. – Т. 1. – М., 1963. – С. 47–77.
7. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка Ъ И. И. Срезневский. – Т. I–III. – М. : Книга, 1989.
8. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. I–VI. – М. : Русский язык, 1988–2000 (издание продолжается).
9. Словарь русского языка XVIII в. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1984–1991. – Вып. 1–6 ; СПб. : Наука. С.-Петерб. отд-ние, 1992–2013. – Вып. 7–20 (издание продолжается).
10. Лексикон словенороский Памви Беринди / подг. тексту В. В. Нимчука. – Кишв, Видавництво Академіи наук Українськош РСР, 1961.
11. Максимович М. А. История древней русской словесности / М. А. Максимович. – Кн. 1. – Киев : Университетская типография, 1839.
12. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка, составленная Ф. Буслаевым : в 2 ч. – Изд. 2-е, передел. / Ф. И. Буслаев. – М. : Унив. тип. (Катков и К°), 1863. – Т. 1.
13. Шахматов А. А. Из трудов А. А. Шахматова по современному русскому языку / А. А. Шахматов. – М. : Учпедгиз, 1952.
14. Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.) / Б. А. Успенский. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Аспект Пресс, 2002.
15. Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка (X–середина XVII в.) / Б. А. Ларин. – М. : Высш. школа, 1975.
16. Колесов В. В. История русского языка : учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений / В. В. Колесов. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ ; М. : Академия, 2005.
17. Бекасова Е. Н. Миф о превосходстве южнославянских по происхождению рефлексов в истории русского языка / Е. Н. Бекасова // Филологические науки. – 2005. – № 2. – С. 42–49.
18. Словарь русского языка XI–XVII вв. – М. : Наука–Азбуковник, 1975–2011. – Вып. 1–29 (издание продолжается).
19. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка / А. Н. Тихонов. – М. : Русский язык, 1985. – Т. 1–2.
20. Бекасова Е. Н. Генетический фон древнерусского текста / Е. Н. Бекасова. – Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2010.

Оренбургский государственный педагогический университет

Бекасова Е. Н., профессор кафедры русского языка и методики преподавания русского языка

E-mail: bekasova@mail.ru

Тел.: 8-922-552-93-29

Orenburg State Pedagogical University

Bekasova E. N., Professor of the Russian and Methods of Teaching Russian Department

E-mail: bekasova@mail.ru

Tel.: 8-922-552-93-29